Интервью лидера КПРФ изданию «Свободная Пресса».

В новейшей истории России август дважды становился роковым. Первый раз в 1991-м, когда Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) предпринял отчаянную попытку удержать от развала Советский Союз. Второй — в 1998-м, когда кабмин провозгласил отказ от политики валютного коридора и трехмесячный мораторий на выплату банками долгов иностранным кредиторам. Одной из главных причин дефолта стало обрушение пирамиды государственных краткосрочных обязательств (ГКО). А главным итогом — уничтожение большей части сбережений граждан.

О том, почему эти события стоит рассматривать в одной связке, и почему в нынешнем августе уместно вспомнить 1990-е, рассуждает председатель ЦК КПРФ Геннадий Зюганов.

— Два события — ГКЧП и дефолт — разделяют ровно семь лет, — говорит Геннадий Зюганов. — Их и называют «лихими девяностыми». Именно за эти годы было разрушено великое Советское государство, расстреляна Советская власть, организована бойня в Чечне, где погибло больше 100 тысяч человек, проведены воровские выборы президента.

17 августа исполнилось 25 лет со дня дефолта. Но на ТВ не вышло ни одной серьезной программы, где обсуждались бы эти события. Хотя такое обсуждение было бы уместно — тем более на фоне войны против нас и Русского мира, которую развязали англосаксы и натовцы руками бандеровцев на Украине.

На мой взгляд, это далеко не случайно. Пятая колонна — эти огрызки ельцинской эпохи — зубами держатся за власть. И за административную, и за информационную. Они все делают, чтобы исказить нашу историю, замолчать правду, заставить нас забыть о преступлениях, последствия которых мы до сих пор пожинаем.

Посмотрите на информационную политику 1990-х: сколько лжи и грязи было вылито на Советскую власть, на коммунистов — победителей в Великой Отечественной! Все это делалось по особому сценарию, который подготовили американцы и ЦРУ. И сегодня ко многим, кто сидит в высоких кабинетах, применима тогдашняя фраза Бжезинского: «Поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы ещё разберитесь: это ваша элита, или уже наша?»

Увы, Бжезинский, говоря это, не ошибался. И если президент Путин, премьер Мишустин, председатель Госдумы Володин и председатель Совфеда Матвиенко до конца не осознают пагубность информационной политики, которая не позволяет объективно оценить происходящее, выздороветь и победить России будет крайне сложно.

Прежде всего, нужно ответить на принципиальные вопросы. Ведь все беды растут из 1991-го, 1993-го, 1996-го и 1998-го годов. Тогда давайте разберемся: что на самом деле случилось со страной?

Но пока получается, как на Соловьёв Live. О ГКЧП там рассказывают, что у одних руки дрожали, а другие на сцене «Лебединое озеро» танцевали. Но ничего не говорят о том, в чем состояли истинные причины случившегося!

«СП»: — Как бы вы охарактеризовали ГКЧП?

— ГКЧП, я считаю, был продуманной операцией Запада по ликвидации КПСС. Если бы мы на год раньше создали КПРФ, то не дали бы расправиться со страной. Но на нас тогда спустили всех собак.

В итоге под кураторским присмотром Запада была проведена серия разрушительных операций. Вслед за развалом СССР расстреляли Советскую власть. Рассадили на руководящие посты чубайсов-гайдаров, продали государственные активы за 2% их реальной стоимости. 50 цэрэушников работали вместе с Чубайсом и спускали за бесценок наши заводы и фабрики.

Мы писали об этом, кричали на всю страну. К сожалению, она оглохла от пропагандистской молотилки, которую запустили США вместе с нашей пятой колонной. А когда опомнились — уже было поздно.

Меня поразила избирательная кампания 1996 года. Она проводилась по указаниям Ельцина, но сценарий писали те же цэрэушники. Специально под выборы переписали по западным образцам Конституцию. При этом практически убрали раздел, связанный с контролем над выборами. Изъяли из Основного закона все, что служило противовесом произволу и беззаконию фальсификаторов.

В такой ситуации говорить о честных выборах уже было невозможно в принципе. Я видел своими глазами, как на первых же парламентских выборах, проходивших по этой Конституции, провластные участники кампании делили между собой избирателей. Одни пойдут за Гайдаром — это партия власти. Вторые за Шахраем — Партией регионов. Третьи, либеральные — за Явлинским. Четвертые — самые крикливые либералы — за Жириновским. Пятые — за Лаховой, якобы поддерживая Движение женщин России.

Но тут даже американцы возразили: так нельзя! У вас была КПСС, теперь КПРФ. Давайте Зюганова выпустим за неделю до старта кампании. Сделаем вид, что она ведется честно и объективно. Расчет был на то, что мы не соберем 100 тысяч подписей, необходимых для участия. Но мы собрали вдвое больше — причем всего за пять дней! И пошли на выборы!

И вот тут бросились надувать Гайдара, Жириновского. Цель была очевидна: дать в Думе власть тем, кто поддержит любой закон, направленный на уничтожение страны.

Но страна, тем не менее, удержалась от сползания в пропасть. Удержалась, я считаю, за счет среднего звена руководителей — они не бросили коллективы. Да, директоров предприятий всячески стремились повязать коррупцией, подкупить зарубежными поездками, взятками, различными подачками. Но остатки советской совести у них сохранялись, и коллективы на улицу не выгоняли.

«СП»: — Когда вы узнали, что грядет дефолт?

— Меня еще в мае 1998-го предупредили: дефолт, скорее всего, объявят осенью. В начале августа уточнили: финансовая система готова обрушиться и до осени не дотянет.

13 августа газета Financial Times опубликовала статью известного американского финансиста Сороса. В ней он предрек России дефолт или гиперинфляцию с катастрофическими последствиями. Это был сигнал к действию для нашей пятой колонны. Что любопытно, накануне МВФ выделил РФ небольшой транш, который так и не дошел до нас. Не исключаю, что шайка тогдашних либералов просто прикарманила эти деньги. Мы пытались расследовать этот эпизод, но концов так и не нашли.

Но Запад выделил этот транш исключительно для временного успокоения. Тогдашний глава ЦБ Дубинин, получив известие о нем, взял билеты и улетел отдыхать на север Италии, в окрестности с Сан-Ремо. Узнав об этом, я позвонил тогдашнему премьеру Кириенко. Он предложил встретиться.

На встрече я сказал, что над финансовой системой нависла угроза катастрофы. Предложил собрать влиятельных людей и успокоить страну. Иначе граждане завтра кинутся в банки, и все обвалится.

Ельцин в это время был в резиденции в Карелии. 14 августа, на второй день после статьи Сороса, он приехал в Великий Новгород — якобы на экскурсию. Там он публично заявил, что дефолт полностью исключен. Всячески демонстрировал, что все контролирует, все у него на учете. И туда ему позвонил Клинтон: мол, хватит отдыхать, бегом в Москву, все заполыхало!

А 17 августа финансовая система все-таки обвалилась. Оказалось, что верхушка пятой колонны во главе с Чубайсом и Гайдаром собралась ночью и приняла решение: не платить по долгам ни своим, ни чужим. И пустила эту новость в эфир.

«СП»: — Что это означало для простых граждан?

— Представьте человека, у которого на счете лежали деньги — на то чтобы ремонт закончить, что-то купить к зиме. Или того, у кого было небольшое производство, кто дом собирался приобрести. И тоже держал деньги на счете. Все эти люди бросились в банки. Все! И банки заклинило, они рухнули в одночасье! Один Сбербанк продолжал что-то выплачивать.

«СП»: — Где вы были в то время?

— На даче в Снегирях. Утром вышел — вокруг ни одной машины. Все уехали деньги спасать.

Едва добрался до офиса — «кремлевка» звонит. Я с Ельциным не разговаривал после расстрела парламента в 1993-м. Не мог. И вдруг — этот звонок. Поднимаю трубку — Ельцин даже не поздоровался: «Ты Москву хорошо знаешь, что будем делать?» Я говорю: «Знаете, что в нашей с вами любимой Москве к вечеру будет 400 тысяч безработных? Так называемый средний класс, молодежь — вы их всех разорили! Дотла!»

Мой знакомый, талантливый человек, в те дни создавал фабрику. Он считал, что все продумал — деньги ради страховки держал в трех банках. И все эти деньги сгорели. Он рассказывал, что не осталось ничего — даже для дома, для семьи.

В тот день я видел характерную сценку. Возле метро «Фрунзенская» был молодёжный центр — его еще на деньги комсомола построили. И вдруг в этот центр — очередь, да какая! Стоят молодые ребята в дорогих костюмах, в туфлях за сотни долларов. Стоят понуро, около тысячи человек.

Спрашиваю: что, концерт какой-то? — Да какой к черту концерт! Всех нас выгнали, стоим на биржу труда!

Их всех — высокооплачиваемых офисных сотрудников — выкинули на улицу. Они никому оказались не нужны. Считали, что Бога ухватили за бороду, что теперь они — хозяева жизни. И вот этих «хозяев» пинком отправили в ряды безработных.

Ельцину я тогда сказал: если срочно не соберемся, не примем оперативные решения, не утвердим авторитетную команду, через сутки-двое взорвутся регионы. И каждый из них будет драться за свой кусок.

В итоге собрались, спорили три часа. Сошлись на формировании левоцентристского коалиционного правительства.

«СП»: — Как подбиралась команда Примаков-Маслюков-Геращенко?

— Никогда не забуду, как уговаривал Примакова пойти в премьеры. Он был на тот момент министром иностранных дел. Примаков позвонил: я к вам зайду. Я сказал: нет, это мы к вам приедем! И мы приехали, все обсудили.

На пост первого вице-премьера пригласили Маслюкова. Он был заместителем министра оборонной промышленности СССР, председателем Госплана СССР. А с 1995-го в Госдуме возглавлял Комитет по экономической политике.

Когда Ельцин заговорил о возможности назначения Маслюкова, члена КПРФ, на пост главы правительства, я сказал: если что-то не получится, вы все спишите на нас и попытаетесь под этим предлогом растоптать партию. Возглавить ЦБ согласился Геращенко — так и сложилась команда.

Что характерно, кандидатуру Примакова Дума утвердила единогласно. Когда он вышел к трибуне, у него на листочке было записано всего несколько пунктов — программу писать было некогда.

Мы каждый вечер собирались, чтобы принимать решения по текущей ситуации. Было принято, в том числе, несколько абсолютно неординарных решений. МВФ, к слову, был против всего, что мы предложили. Но мы проявили волю и характер.

«СП»: — Как выглядели ключевые решения?

— Первое — договорились запустить производства, чтобы люди работали. Для этого под конкретный выпуск машин, станков, оборудования мы с каждого завода приглашали четверку: директора, главного инженера, главного технолога и начальника производства.

Мы им сказали: вот вам деньги под производство и под заплату. И каждую неделю будете отчитываться за результат.

В итоге производственная машина заработала. Промышленность показала рост на 24%. Это единственный случай за всю новейшую историю России, когда удалось достичь такого внушительного и стремительного роста.

Второе решение — чтобы народ не взбунтовался, запретили поднимать цены на бензин, солярку, керосин. Сегодня, к слову, солярка стоит больше 60 рублей за литр — это сумасшедший дом! Так не должно быть в стране, которая переполнена нефтью и газом!

Третье — сумели поставить надежный заслон против инфляции. Мы напечатали много дополнительных денег, но ни одна копейка из них не попала на биржу. Если бы деньги отдали спекулянтам, все уцелевшие производства, всю финансовую систему смело бы как ураганом.

И еще. Мы все сделали, чтобы банки не перегоняли деньги за рубеж.

И страна вздохнула, заработала, почувствовала уверенность.

«СП»: — Почему успешный кабмин проработал недолго?

— Через полгода Ельцина убедили, что Примаков метит на его место. Примакова вытащили в Кремль, под телекамеры: заявляй, что не претендуешь на президентское кресло! Он тогда сказал, что занимается исключительно правительством.

Тем не менее, Ельцина накрутили. Мне позвонили и предупредили: президент хочет сменить правительство. Я позвал Рыжкова и Харитонова, и втроем мы поехали к Примакову.

Сидели у него в кабинете. Мы ему предлагали прийти на следующий день в Думу и объявить планы на будущее. Чтобы Госдума смогла подтвердить ему полное доверие на ближайший период.

Но Примаков сказал: нет, я так не могу.

Тем не менее, за время работы правительства Примакова страну оттащили от пропасти и спасли. Одновременно нам стало ясно, что нужно срочно отправлять ельцинскую камарилью в отставку.

Мы в Думе начали подготовку к импичменту. Назначили руководителем соответствующей комиссии Илюхина. Комиссия собрала 22 тома материалов, задокументировала все преступления режима: Беловежский сговор, войну в Чечне, уничтожение промышленности, разгром военно-промышленного комплекса.

Самое удивительное, что все восемь фракций тогда согласились: Ельцин — преступник. У меня осталась в единственном экземпляре стенограмма выступления Илюхина по делу Ельцина и последовавших за ним выступлений всех лидеров фракций. Все остальные копии этой стенограммы уничтожены — ни в одной библиотеке их на найти.

Для объявления импичмента не хватило 16 голосов. Дрогнули Жириновский и Явлинский.

У нас в КПРФ ни один не дрогнул, не сломался, не предал трудовой народ. Все проголосовали: «виновен». Я горжусь, что наша фракция, «Народовластие» и аграрии дружно работали в те дни как одна команда, сражаясь за будущее страны.

«СП»: — Что было после провала импичмента?

— Мне рассказывали, что Абрамович сидел и рассуждал: что теперь делать с этим Ельциным? А закончилось тем, что 31 декабря 1999 года в 12 часов дня Ельцин объявил об отставке с поста президента. За несколько минут до новогоднего боя Курантов это обращение повторили.

Когда страну возглавил Путин, появилась надежда. Он приглашал меня на встречи, долго расспрашивал. Кстати, под первым его президентским посланием можно и сейчас подписаться. В нем сказано о сильной стране, о социальной политике, о науке и образовании.

Но из этой жуткой, воровской, протоптанной Ельциным и Чубайсом колеи мы по сей день так и не вырвались. После кризиса 2008-го, когда Россия провалилась глубже других, Путин понял: необходимо стратегическое планирование, национальные проекты. Тогда были приняты важные документы. Но финансово-экономический и информационный блоки остались в руках ельцинских последователей, в руках пятой колонны.

За 10 последующих лет мы так и не преодолели хроническое отставание, демонстрируя темпы росте менее 1% в год. Цели, поставленные в «майском указе» Путина от 2018 года — войти в пятерку крупнейших экономик мира, остановить вымирание и обнищание, освоить новые технологии — выглядят великолепно. Но что в итоге? Мишустин бьется три года, но в рамках нынешней системы невозможно ничего кардинально изменить к лучшему.

А теперь Запад объявил нам войну на уничтожение. Необходимо стремительно наращивать темпы роста, срочно принимать ключевые решения! Мы эти решения подготовили — бюджет развития, национализацию минерально-сырьевой базы, ставку на народные предприятия, закон «Образование для всех». Мы вместе с ныне покойным нобелевским лауреатом Алферовым все сделали, чтобы создать институты будущего.

Казалось бы, что мешает взять эти решения на вооружение? Но «Единая Россия» сказала «нет».

А что происходит с выборами? Ведь это главный инструмент диалога между властью и обществом! Я был уверен, что на нынешних выборах будет заявлено, что мы сплотимся, объединимся, обсудим программы, которые предлагают партии. Но вместо этого «Единая Россия» развязала травлю оппонентов, пустив в ход технологии черного пиара.

Основа для сплочения — это уникальный опыт великой Советской эпохи, это необходимость нашей победы. Но давайте вспомним: пока никто в истории, кроме коммунистов, не побеждал фашизм!

Я считаю, что настал момент истины. Из трагедии 1990-х — из ГКЧП и дефолта — нужно наконец сделать честные выводы. Необходим новый курс, новая программа. Мы такую программу стране предложили. И продолжим борьбу за ее реализацию.

«Свободная Пресса». Андрей Полунин